

Тело нашли, но и сознание не потеряли¹

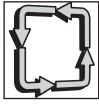
Е.Н. КНЯЗЕВА

Современная эпистемология во все большей степени использует новейшие результаты исследований в области биологии, нейрофизиологии, информатики, пытаясь понять природу сознания и его когнитивных функций. От этого крена в сторону конкретных наук, в первую очередь биологического и медицинского спектра, никуда не уйдешь, если ты, как философ, хочешь оставаться на гребне исследований сегодняшнего дня. Этот крен совпадает с происходящим уклоном всей философии к философии науки, причем как в научных исследованиях, так и в преподавании.

Телесно-ориентированный подход в эпистемологии неправомерно, как указывают мне коллеги И.Т. Касавин и Н.М. Смирнова, считать редукционистским подходом. Это не есть некий тип биологизаторства. Для человека этот подход вовсе не отрицает специфику феноменов сознания, духа и свободы воли человека. Почему? Потому что применяемые модели или представления в их качественном виде свободны от их биологического содержания, в особенности от понятий естествознания в более широком плане, в лоне которого преимущественно сформировались эти представления. В том случае, когда используются модели и представления из теории сложных динамических систем, это всего лишь один из аспектов описания поведения человека и феноменов его сознания – их описание с точки зрения универсальных паттернов поведения сложного в мире вообще.

За этим подходом лежит мощная интеллектуальная традиция. В эпистемологии – это экологическая концепция восприятия Дж. Дж. Гибсона, в когнитивной науке и нейрофеноменологии – концепция воплощенного и enacted разума (embodied and enacted mind) Ф. Варелы, в философии сознания – концепция enacted познания, синкретичной связи восприятия и действия А. Ноз. И эта традиция во многом совпадает с развитием эволюционной эпистемоло-

¹ Продолжение дискуссии о телесно-ориентированном подходе в эпистемологии (см.: Эпистемология & философия науки. 2010. № 1. С. 42–66).

гии, у истоков которой стоял К. Лоренц и разработка которой была продолжена его многочисленными учениками в Австрии и Германии (Р. Ридлем, Э. Эзером, Ф. Вукетичем, Г. Фолльмером и др.).

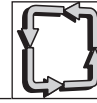
Илья Теодорович заостряет свою позицию: человек или тело? Мне представляется, что такое противопоставление неправомерно, как будто телесный подход, найдя тело, потерял сознание и дух человека. Нельзя также противопоставлять тело и сознание, и во многих работах по философии сознания это идущее от Декарта противопоставление признается ошибочным. Не человек или тело, а человек, обладающий и телом, и сознанием. Тело и сознание (мышление, дух) неразделимы, как две стороны одной медали. Не обращать внимание на тело, изучая человека и активность его сознания и духа, — значит не стремиться заглянуть «за зеркало», как говорил Лоренц, или не иметь интереса увидеть обратную сторону Луны. Линейная причинность — от материального, телесного к ментальному, как в материализме, и от духовного к вещественному, соматическому, как в идеализме, — заменяется циклической причинностью. Тело и сознание находятся в отношении взаимной, циклической детерминации.

В рамках телесного подхода сознание несет в себе телесную природу, но это не означает, что оно может быть сведено к функциям мозга. Сознание есть эмерджентное свойство и мозга, и тела человека, т.е. его свойства не выводимы и не могут быть предсказаны из свойств соматического уровня организации человека, включая и нейрофизиологические процессы в коре головного мозга и в центральной нервной системе. Причем эмерджентность означает нечто большее, чем «стихийность и непостижимость», на что указывает Касавин, это — способ рождения новизны в процессе эволюции. Эмерджентность — это также несводимость свойств целого к свойствам частей.

Равным образом утверждение эволюционной эпистемологии, что человек — не единственное существо, которое что-то знает, и что сама жизнь является познанием, когнитивным процессом (К. Лоренц, Ф. Варела, У. Матурана), отнюдь не означает, что различие между человеком и животным по его когнитивным способностям является чисто количественным. Эволюция вся состоит из качественных скачков, из эмерджентных событий, в которых творятся новые свойства. Эволюция скорее дискретна, чем непрерывна, постепенна: в ходе ее совершаются прыжки с одного иерархического уровня на другой, более высокий, а не ползучие изменения шаг за шагом.

Телесный подход касается главным образом понимания процессов восприятия, но и наиболее абстрактные теоретические построения фундаментальной науки часто несут печать непосредственности восприятия человека, наделенного телесностью. А как иначе себе представить теорию струн или аромат кварков? Конечно, наглядность часто вредна для высоко абстрактных построений, но от нее трудно полностью избавиться, особенно на начальных этапах их возникновения, когда велика роль метафор и образов визуального мышления.

В рамках телесного подхода обосновывается — и в этом он сходится с установками эволюционной эпистемологии — мезокосмическая природа

ТЕЛО НАШЛИ, НО И СОЗНАНИЕ НЕ ПОТЕРЯЛИ

да человеческого познания, в первую очередь восприятия человека. Мезокосм – это мир средних измерений, к которому в ходе биологической эволюции приспособился человек. А.Л. Никифоров совершенно верно мне возражает, что «человек – не акула, он способен преодолевать границы своей телесности». Когда говорится о мезокосмичности человеческого познания, то имеется в виду прежде всего опытное, эмпирическое познание человеком мира, видение мира невооруженным глазом. Человек способен перешагивать границы мезокосма, своей когнитивной ниши, к которой он эволюционно приспособлен, создавая искусственные продолжения своих глаз, ушей и рук и выходя на теоретический уровень познания. Об океанских глубинах, микромире и Метагалактике мы знаем благодаря соответствующим теориям, а не свидетельствам нашего чувственного восприятия, которое мезокосмично.

Любопытно, что эволюционные эпистемологии показывают, что даже продукты теоретического познания человека, особенно в истории науки, несут на себе печать мезокосмической природы человека. Например, Г. Фолльмер продемонстрировал, что физика Аристотеля, основанная на представлении об импетусе, толчке, приданном телу для его движения, господствовавшая в науке на протяжении двух тысячелетий, – это правильная мезокосмическая физика. Даже зная законы классической физики – физики Галилея и Ньютона, – человек, выйдя за стены своей аудитории и лаборатории, начинает мыслить по-аристотелевски. И это является правильным описанием видимого, наблюдаемого нами движения тел в условиях земной атмосферы и с позиции земного наблюдателя как мезокосмического существа.

Учитывая мощный естественно-научный базис телесного подхода в эпистемологии, неправомерно ставить его в один ряд, как это делает Илья Теодорович, с «черной эпистемологией», «женской эпистемологией» и «квир-эпистемологией» (эпистемологией людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией). Последние эпистемологии относятся чисто к продуктам социальной деятельности человека. Телесный подход, используя модели биологии и теории сложных самоорганизующихся адаптивных систем, пытается проникнуть в природу восприятия и отчасти мышления, объяснить, почему разные живые существа живут в разных когнитивных мирах и как это сказывается на продуктах познания человека. Играть со структурой телесности, произвольно переконструировать ее можно только в художественных произведениях, как у М. Булгакова в повести «Собачье сердце», но в реальной жизни это недопустимо. Не все можно соединить со всем, не какие угодно структуры построить на среде: у природы есть свои тенденции и склонности, которые противятся произвольным человеческим действиям.

Наша телесность – это потенциал, данный нам от природы, претерпевшей долгий путь эволюции, и эта телесность накладывает определенные и довольно жесткие ограничения на возможности когнитивной и креативной деятельности человека. Понять эти ограничения – задача науки.